

1799

1949

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
Н. Л. СТЕПАНОВ

ПУШКИН И РАДИЩЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

1949 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор филологических наук
профессор
Н. Л. СТЕПАНОВ

ПУШКИН и РАДИЩЕВ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

1949 г.

Редактор — кандидат филологических наук **Г. С. ЧЕРЕМИН.**
Редактор Редакционно-издательского отдела Общества — **А. Т. ЖУКОВ.**

А — 05249.

Тираж — 125.000 экз.

Заказ № 1375.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Имена Пушкина и Радищева, которыми гордится наш народ, могут быть с полным правом названы вместе. Идейная и творческая встреча этих писателей была исторически закономерна. Радищев — вершина передовой русской культуры XVIII века, Пушкин — родоначальник новой русской литературы.

Пушкин гордился тем, что он «вслед Радищеву» восславил свободу. Великий поэт справедливо считал себя продолжателем его дела, однако он жил и творил в эпоху, во многом отличную от той, когда раздался смелый, но одинокий голос Радищева.

Говоря о роли Радищева в идейном и творческом становлении Пушкина, следует иметь в виду не отдельные, частные сопоставления, не отдельные цитаты, которыми обычно оперируют исследователи, а общность и вместе с тем своеобразие исторического пути каждого из них.

* * *

В своей статье «О национальной гордости великороссов» Ленин призывал гордиться Россией Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев.

Радищев являлся замечательным представителем русской общественной мысли и литературы. Он отличался последовательностью своих революционных выводов, бесстрашием материалистической мысли, реалистичностью, жизненной правдивостью своего творчества.

Открывая новую страницу в развитии русской литературы, Радищев утверждал её дальнейшее развитие как самой передовой, идейной и правдивой литературы в мире. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, напечатанное им летом 1790 года, — замечательный памятник русской общественной мысли и литературы конца XVIII века. Оно превосходит близкие по теме произведения западноевропейских писателей и остротой понимания социальных отношений, и пафосом революционной борьбы, и глубиной реалистического изображения действительности.

По смелости и широте мысли, по решению основных социальных и политических вопросов, и, прежде всего, вопроса о государственной власти и правах народа, Радищев стоит на гораздо более передовых и революционных позициях, чем западные просветители и радикальные буржуазные мыслители, вроде Вольтера или Монтескье, полагавшие, что миром правят «мнения», и не понимавшие значения народа как основной движущей силы истории.

«Путешествие...» Радищева — произведение глубоко самобытное и национальное, русское по самому своему духу и характеру. В основе его лежит реалистическое изображение тех невыносимых

социальных условий, которые мешали плодотворному развитию талантливого, умного и свободолюбивого русского народа, жестоко эксплуатировавшегося помещиками-крепостниками и царской бюрократией. На протяжении всего повествования Радищев смелой и беспощадной кистью художника-реалиста рисует картины чудовищного угнетения, насилия, издевательства помещиков над своими крепостными. Не смягчая красок, он показывает бесчисленные жестокости помещиков.

Радищев — подлинный патриот, горячо любивший своё отечество, стремившийся к его величию и славе. Непременным условием этого величия он считает свободу своего народа. В призыве к освобождению народных масс от крепостной зависимости, в ненависти и презрении к правящему, паразитическому классу выражалась подлинная любовь Радищева к родине.

Для Радищева порабощение человека «есть преступление». Однако этот вопрос о порабощении Радищев ставил не в общем, отвлечённо-гуманистическом плане, как это делали западноевропейские просветители, а во всей его социальной конкретности, как вопрос о борьбе с помещиками-крепостниками. «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? — спрашивает Радищев. — Земледелец! кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».

Для Радищева крестьянин является основой благосостояния общества. И именно этот класс, которому обязаны своим благополучием туземцы-помещики, не только был лишён права распоряжаться тем, что производит, но и подвергался неслыханной эксплуатации и бесчеловечному угнетению. «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным?». Один лишь «ненасытец кровей», алчный и жестокий помещик, может это сказать, заявляет Радищев, стремясь «опровергнуть теперь сии зверские властителей права».

Буржуазное литературоведение пыталось представить Радищева либералом-просветителем, тенденциозно искажая его подлинный облик. Но именно Радищев первый из русских мыслителей понял неизбежность и необходимость народной революции. Он первый смело и открыто высказал требование об освобождении трудящихся масс от самодержавно-крепостнического гнёта. Этим Радищев уже пролагал путь декабристам и далее революционным демократам 60-х годов. Предупреждая дворянство о грозящем ему возмездии, Радищев писал в «Путешествии...»: «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно.

Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие».

Для Радищева народная революция не является лишь разрушительным крестьянским «бунтом»: она несёт и новые, созидательные начала, она выдвигает прогрессивную интеллигенцию — людей из народа, которые призваны будут создать новую, подлинно народную культуру взамен крепостнической: «Скоро бы из среды их (т. е. восставших крестьян.— Н. С.) исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены».

Радищев считал, что настоящий патриотизм присущ народным массам. Кичливости вельмож и придворных их мнимыми заслугами перед отечеством Радищев противопоставляет бескорыстную преданность интересам родины со стороны простых, ничем не примечательных людей, которые «...равняются или предают служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя ради отечества ни здоровья своего ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».

Следует коренным образом пересмотреть и распространённую точку зрения на Радищева как на представителя сентиментализма. Радищев не может быть отнесён к этому течению: он, по сути дела, являлся зачинателем реализма в русской литературе. Суровая правдивость изображаемых им в «Путешествии...» картин тогдашней российской действительности, жизненность и убедительность созданных им образов, революционный обличительный пафос — всё это не имеет ничего общего с сентиментализмом и, тем более, с содержанием «чувствительных путешествий» Стерна и Дюпати, с которыми сравнивали «Путешествие...» Радищева некоторые исследователи.

Радищев первый в русской литературе показал жизнь, как она есть, без прикрас, без моралистического резонёрства, без той преувеличенности чувств, которые считались обязательными для прозы в XVIII веке. «Путешествие...» Радищева — это не завершение традиций дворянского классицизма или сентиментализма, а качественно новое явление в русской литературе, устремлённое далеко вперёд, намечающее пути последующего литературного развития.

Реализм Радищева — не в бытовых зарисовках, не в отдельных метко схваченных чертах действительности, реалистично у него самое восприятие и понимание этой действительности. Этим радищевский реализм предвяряет критический реализм русских писателей XIX века, и прежде всего — Пушкина. Радищев видел окружающую жизнь в её противоречиях и не только правдиво показал основное зло русской действительности своего времени — самодержавие и крепостничество, — но и впервые поставил перед русским обществом как главную задачу ликвидацию их революционным путём.

Несокрушимая вера в народ, понимание закономерности исторического развития позволили Радищеву придти к выводу о неизбежности революционного переустройства общества. Радищев видит выход в победе народной революции, которую он и предсказывал в своей книге: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своим, разбили железом, вольности их препятствующим... главы бесчеловечных своих господ...»

Радищев показывает русских крестьян не забытыми и смиренными, а протестующими против крепостнического гнёта, восстающими против помещика. В главе «Зайцово» он рассказывает, как возмущённый насилием над своей невестой крестьянин и заступившиеся за него односельчане убили своих господ: «Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве...»

Никто до Радищева с такой последовательностью и ясностью мысли не показал свободолюбивый характер русского народа. Радищев не сомневается, что русский народ имеет в себе достаточно сил, чтобы сбросить иго эксплуататоров: «...русский народ,— писал Радищев,— очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать...». Радищев не страшится грозы народной революции. Он считает революционное насилие справедливым и единственно возможным путём освобождения народа. В этом он намного опередил своё время, указав путь последующим поколениям революционеров. В предисловии к изданию «Путешествия...» Радищева Герцен писал: «А. Радищев смотрит вперед... Его идеалы... Это наши мечты, мечты Декабристов... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в Думах Рылеева, и в собственном нашем сердце».

* * *

Сознание преемственности революционной традиции Радищева всегда жило в умах передовых представителей русской литературы, и прежде всего — Пушкина. Недаром Пушкин, прочитав в «Полярной звезде» в 1823 году «Взгляд на старую и новую словесность в России» А. Бестужева, упрекал его за отсутствие упоминания о Радищеве: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно...» (Правда, Бестужев не был повинен в этом, так как упоминание имени писателя-революционера было запрещено.)

Имя Радищева, его смелый протест против деспотизма были свежи в памяти передовых русских людей в годы юности Пушкина. Смерть Радищева вызвала широкий отклик среди его современников. Сохранилось стихотворение И. Пнина «На смерть Радищева»,

относящееся к 1802 году. В этом стихотворении Гнин писал о Радищеве как о «верном сыне» отечества, «гражданине», который «смело правду говорил».

Пламенный призыв к борьбе с самодержавием и крепостничеством сделал «Путешествие...» Радищева одной из тех книг, которые содействовали формированию идеологии декабристов. Ода «Вольность» и «Путешествие...» воспитывали у декабристов чувство подлинного патриотизма.

Гневное послание Рылеева «К временщику», его революционные стихи «Гражданское мужество», «Гражданин» и другие многим обязаны оде «Вольность» Радищева. В ней заключён не только образец действенной гражданской поэзии, но и впервые выражены те революционные идеи, та жажда свободы, ненависть к деспотизму, которые так мужественно и вдохновенно прозвучали в стихах поэтов-декабристов.

Мы не можем точно датировать, когда именно познакомился Пушкин с «Вольностью» и «Путешествием...» Радищева. Можно, однако, с уверенностью предположить, что Радищев был хорошо известен лицеистам. Во всяком случае, уже в 1814 году Пушкин упоминает его имя в поэме «Бова», написанной под непосредственным влиянием одноименной поэмы Радищева. Несомненно, что обращение к этой поэме было связано с общим интересом к Радищеву и с знакомством с его одой «Вольность» (а возможно, и «Путешествием...»). Ведь все последующие высказывания Пушкина о Радищеве как «враге рабства» предполагают знание его основных произведений. Следует также добавить, что и лицейский друг Пушкина В. Кюхельбекер в своих показаниях на следствии по делу декабристов указывал на своё знакомство с «Путешествием...» Радищева. О чтении радищевского «Путешествия...» говорит в своём дневнике и декабрист Н. И. Тургенев, являвшийся одним из политических «наставников» молодого Пушкина.

Поэма Радищева «Бова» явилась первым опытом русской поэмы, написанной на сюжет лубочных сказок, народным, безрифменным стихом. В своей поэме Радищев высмеивал псевдонародность дворянской литературы XVIII века, видевшей для себя в народной поэзии лишь забаву. В первоначальный период своего творчества Пушкин обращается к Радищеву в поисках нового, реалистического пути. Во вступлении к своей поэме «Бова» он прямо заявляет:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

При этом Пушкин с едкой иронией говорит о «немце Клопштоке» и других западноевропейских писателях, отвергая их произведения за отвлечённый характер, далёкий от народной жизни.

В пушкинском «Бове» появляется и царь Дадон — «тиран неусыпный», и засыпающие от непривычных размышлений цар-

ские советники. Сатирическое изображение царей и вельмож, а также народный стих и сказочный колорит пушкинской поэмы сближают её с поэмой Радищева.

Значение радищевского «Бовы» для молодого Пушкина, однако, всем этим не исчерпывается. Создавая в 1817—1820 годах одно из основных своих произведений этого периода — «Руслана и Людмилу», Пушкин и здесь использовал опыт Радищева. Шуточно-иронический характер поэмы, её фольклорный сюжет и образы перекликаются с радищевским «Бовой». Это тем более важно отметить, что в литературе о «Руслане и Людмиле» усиленно распространялись версии о «влияниях» на Пушкина Ариоста, Вольтера и других западноевропейских писателей и в то же время «забывалась» русская традиция шуточных богатырских поэм, прежде всего «Бовы» Радищева.

* * *

От Радищева с его призывом к борьбе против самодержавия шла прямая дорога к декабристам, дворянским революционерам, чьи вольнолюбивые стремления полностью разделял Пушкин.

Сразу же по окончании лица молодой Пушкин входит в сферу революционной деятельности декабристов. Его ода «Вольность» (1817 г.), направленная против «тиранов мира» и призывавшая «на тронах поразить порок», стала одним из поэтических документов декабризма, выражением нараставших революционных настроений. Недаром она нелегально распространялась в сотнях рукописных копий, и власти, изымавшие и преследовавшие революционные стихи, буквально всюду находили пушкинскую «оду на свободу», как она называлась в полицейских донесениях. Не меньшей популярностью пользовалось и полное грозного негодования, бичевавшее крепостное рабство стихотворение Пушкина «Деревня», заканчивавшееся мечтой о «народе неугнетенном», о «прекрасной заре» свободы.

Пушкин своими стихами продолжал дело Радищева, используя литературу для пропаганды революционных идей. Благодаря этому передовая русская литература в годы декабристского движения приобрела тот боевой политический характер, который пытался придать ей Радищев. В этом отношении Пушкин и декабристы явились непосредственными продолжателями его революционной традиции. «Литература у народа, политической свободы не имеющего, — писал впоследствии Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести. Влияние литературы на общество, сложившееся таким образом, приобретает размеры, давно утерянные литературой других стран Европы. Революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи».

На заседаниях общества «Зелёная лампа», фактически являвшегося литературным филиалом тайного общества, Пушкин чи-

тает друзьям свои вольнолюбивые стихи и язвительные эпиграммы против царя — «кочующего деспота». Вся деятельность молодого поэта проходит под знаком борьбы с «самовластьем» и «рабством диким». Его душа, как ранее у Радищева, «страданиями человечества уязвлена стала» («Путешествие...»), и Пушкин, «друг человечества», подобно своему предшественнику, «печально замечает везде невежества губительный позор».

Радищев являлся подлинным патриотом, горячо любившим свою родину и именно поэтому стремившимся к её освобождению от деспотического произвола. В своей замечательной статье «Беседа о том, что есть сын отечества» (напечатанной анонимно), Радищев писал, что «величественного наименования сына Отечества» достоин лишь человек, заботящийся не о личных интересах, а о преуспевании своего отечества.

Декабристы также называли себя «сынами отечества», противопоставляя свой патриотизм, свою любовь к отечеству антинародной политике правящей феодальной верхушки. Пушкин, подобно Радищеву и декабристам, выступает как писатель-патриот, исполненный истинной любви к отчизне, неразрывно связанной с ненавистью к её угнетателям.

Пушкину и декабристам приходилось действовать в очень трудной и сложной обстановке. Аракчеевская реакция свирепо преследовала каждое проявление свободной мысли, насаждала раболепие и покорность. Тот идеал свободы, тот активный гуманизм, который проповедывал Пушкин в своих стихах, постоянно приводил поэта в столкновение с тогдашней социальной действительностью.

Пушкин своим творчеством утверждал новое отношение к жизни, призывал к освобождению народа от деспотической власти царских прислужников — «холопов венчанного солдата», — от «барства дикого».

Этот протест Пушкина против российской действительности того времени во имя передовых гуманных идеалов и сближал его с Радищевым. Особенно велико было для Пушкина значение радищевской оды «Вольность». В идейном и творческом развитии Пушкина эта проникнутая революционным пафосом поэтическая декларация о борьбе с самодержавием сыграла огромную роль.

В «Вольности» Радищева намечалась широкая революционная программа. В своей оде он бичует рабство, призывает народ к восстанию, прославляет революцию, требует соблюдения справедливых законов, устанавливаемых самим народом после ниспровержения тирании. Во всей мировой литературе, современной Радищеву, мы не найдём произведения, которое содержало бы такую всестороннюю программу социального переустройства общества.

То обстоятельство, что Пушкин назвал вслед за Радищевым свою оду «Вольностью», подчёркивало преемственность этой радищевской традиции.

Уже первая строфа радищевской оды, с её прославлением «вольности» как бесценного дара, как освобождения от оков

рабства и деспотической тирании царизма, должна была вдохновить Пушкина, подсказать ему основное направление его мыслей:

О, дар небес благословенный,
Источник всех великих дел.
О, вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

Пушкин в своей «Вольности» также хочет «воспеть свободу», также обращается с угрозой к «тиранам», обещает «на тронах поразить порок». Основная тема пушкинской оды — борьба с рабством и тиранией, гневное возмущение против «неправедной власти» и «неволи» — и сближает пушкинскую «Вольность» с одой Радищева:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Прославление «вольности» соединяется и у Пушкина и у Радищева с ненавистью к «тирану». К царю, мучающему народ, Радищев обращается с предупреждением:

Но мститель, трепещи, грядет.

Радищев призывает народ радоваться тому, что царя возводят на плаху: «Ликуйте, склепанны народы!». Пушкин в своей оде также бросает вызов самодержавным властителям:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Дело, конечно, не в отдельных цитатных соответствиях, а в той идейной перекличке, в том утверждении Пушкиным антикрепостнических и тираноборческих принципов, которые с такой силой и полнотой были провозглашены Радищевым в его «Вольности». Но сближаясь с радищевской одой в своём призыве к свержению деспотизма и крепостного рабства, Пушкин, однако, не сделал из этого тех выводов, к которым пришёл Радищев.

В своей «оде на свободу» Пушкин даёт поэтическую и в то же время политическую декларацию, пользуясь примером Радищева, используя, как и он, в целях выражения гражданской патетики, ораторский, возвышенный стиль оды.

Идея революционного возмездия тиранам, высказанная Радищевым, вдохновила Пушкина и на такие стихи, как широко распространявшийся среди декабристов «Кинжал»:

...Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.
Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Смелые, вольнолюбивые стихи Пушкина, гневное обличение им царя, пламенный призыв к свободе являлись прямым претворением в жизнь заветов Радищева.

Призывая к свержению «самовластья», Радищев предвидел будущее. Свою «Вольность» он закончил пророческими строками о грядущей свободе, когда

...яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

В своём послании к Чаадаеву Пушкин тоже мечтал о том времени, когда будет рассеяна «сгушенная мгла» самовластья:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Этот призыв Пушкина был услышан и вдохновлял декабристов и последующие поколения революционеров на борьбу с самодержавием и крепостничеством.

В пушкинской «Деревне» в сжатых и точных поэтических формулах переданы те черты крепостнической действительности, которые могут быть проиллюстрированы соответствующими эпизодами радищевского «Путешествия...». Потрясающую картину «барства дикого, без чувства, без закона», присвоившего себе «насильственной лозой» и «труд, и собственность, и время земледельца», Радищев нарисовал в главе «Любань», в рассказе о барине, заставляющем своих крепостных работать на себя шесть дней в неделю. В главе «Зайцово» он говорит о жестокости изверга-помещика, который «посадил на пашню» всех своих крепостных, «отнял у них всю землю, скотину... заставил работать всю неделю на себя». Упоминание о «девах», «цветущих для прихоти бесчувственной злодея», прямо отсылает нас к сценам чудовищного беспутства и зверства помещика, с такой гневной силой обличаемых Радищевым.

Радищев для Пушкина прежде всего — «рабства враг», как он называет его в «Послании цензору» 1822 года, не предназначавшемся для печати. Говоря, что «Радищев, рабства враг цензуры избежал», Пушкин указывал тем самым на значение примера Радищева для писателей, которые, подобно автору «Путешествия...», минуя цензуру, смело нападают на «правительство, закон иль нравы» (естественно, Пушкин имел здесь в виду и свои собственные революционные стихи).

Но вольнолюбивой и протестующей была не только политическая лирика Пушкина: идеи революционного просветительства и патриотизма, свободолюбия и чувства национальной гордости пронизывают всё его творчество. Эти идеи рождались из тесной связи поэта со своим народом, из глубокого понимания Пушкиным современной ему действительности.

В период общественного подъёма перед восстанием декабристов все эти черты выступают в форме боевых, политически заострённых произведений. В дальнейшем, после того как восстание было подавлено, Пушкин вынужден был изменить свою тактику, не имея возможности прямо и открыто высказывать свои политические взгляды. Но страстное отрицание им крепостнической действительности, ненависть его к самодержавию не затухают, а лишь приобретают новые формы. Потому и на этом, новом этапе творчество Радищева сохраняет для Пушкина всю свою силу и значение.

* * *

Неудача декабристов явилась, как известно, следствием того, что они действовали изолированно от народа, не были поддержаны крестьянской и солдатской массой. «Узок круг этих революционеров,— писал Ленин о декабристах.— Страшно далеки они от народа»¹.

Характеризуя политическую обстановку в России после 14 декабря 1825 года, Герцен писал в своей работе «О развитии революционных идей в России»:

«Не оставалось никаких иллюзий: народ остался равнодушным зрителем 14 декабря. Всякий добросовестно мыслящий видел ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией европеизованной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь,— необходимо было ее восстановить, но как, каким образом? Вот в чем основной вопрос... Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылая свой голос в отдаленное будущее».

В условиях реакции, наступившей после восстания декабристов, когда многие представители передовой дворянской интеллигенции отошли от прогрессивных позиций, впали в пессимизм и скептицизм, Пушкин остался верен своим вольнолюбивым идеалам. Он отнюдь не «примирился» с существовавшим порядком вещей, как это пытались утверждать некоторые горе-исследователи. Пушкин в это время начинает напряжённо искать исторического объяснения причин неудачи декабристов. Он остро ощущает необходимость преодоления разрыва между народной Россией и дворянскими революционерами, между широкими народными массами и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 468. Изд. 3-е.

передовым, «просвещённым» дворянством. Поэтому Пушкин и призывает к «просвещению» народа, видя в этом залог его дальнейшего политического развития и преодоления тем самым разрыва между народом и дворянской интеллигенцией.

Именно поэтому после подавления восстания декабристов внимание Пушкина особенно привлекает Радищев, сумевший выйти за рамки дворянского горизонта и понять историческую необходимость народной революции. В условиях политического безвременья 30-х годов, когда для Пушкина стала ясна недостаточность усилий декабристов, не имевших опоры в народе, а новая, демократическая революционность ещё только зарождалась, поиски Пушкина направляются по тому пути, по которому в дальнейшем пойдут Белинский и Герцен.

Оставаясь верным вольнолюбивым заветам декабристов, Пушкин, однако, не остановился там, где остановились декабристы. Он шёл вместе с ними в их борьбе с самодержавным деспотизмом и крепостничеством, но ему было тесно в рамках дворянской революционности. Стремление к уничтожению самодержавного режима и крепостничества сочеталось у Пушкина с мыслью о судьбах народа, с мечтой о полном и совершенном освобождении личности, неосуществимом не только в условиях крепостнического строя, но и буржуазного, как он это видел на примере Западной Европы и Америки.

Если в 20-е годы, в период нарастания революционных, декабристских настроений, для Пушкина характерно обращение к радищевской «Вольности», с её призывом к свержению деспотической власти, то в 30-е годы Пушкина в большей мере интересует «Путешествие...» Радищева, в котором ставится вопрос о положении широких народных масс, о крепостническом рабстве.

Отзвуки радищевского «Путешествия...» мы видим уже в «Истории села Горюхина», написанной Пушкиным в Болдине осенью 1830 года. Безотрадные картины крепостной действительности, нарисованные здесь обличительной кистью сатирика, во многом перекликаются с «Путешествием...» Радищева, в особенности последняя глава — «Правление приказчика». В ней говорится о рекрутчине и окончательном обнищании горюхинцев, оказавшихся в положении крестьян села, разорённого помещиком, показанного в «Путешествии...» Радищева. «История села Горюхина», не доведённая Пушкиным до конца, должна была завершиться крестьянским восстанием (в сохранившихся планах заключительная глава названа «Бунт»).

Отзвуки «Путешествия...» Радищева, гневного и правдивого обличения им крепостнического гнёта и жестокого «тиранства» помещиков над крепостными чувствуются во всех произведениях Пушкина 30-х годов, посвящённых положению крестьянства и вопросу о путях исторического развития России.

Неудача восстания декабристов показала невозможность победы революции без участия народных масс. В то же время стихийные

крестьянские «бунты», вспыхнувшие в 30-х годах, не освещённые политическим сознанием, являлись разрозненными вспышками народного гнева и в силу своей стихийности также были обречены на неудачу.

В 1832—1833 годах Пушкин пишет роман «Дубровский», в котором пытается показать крестьянский «бунт», руководимый дворянином. Но Пушкин вскоре понял историческую неоправданность и, следовательно, нетипичность подобного изображения, в котором фигурирует «бунтарь»-дворянин (превратившийся в условный образ романтического героя), и оставил роман незаконченным.

В 1833 году Пушкин обращается к изучению подлинных событий крестьянского восстания 1773—1775 годов, руководимого Емельяном Пугачёвым. Он предпринимает поездку на Урал и в Поволжье, записывает рассказы и предания о Пугачёве, сохранившиеся в народе. Результатом всех этих изучений явилась «История Пугачёва» (переименованная по требованию царя в «Историю пугачёвского бунта») и замечательная историческая повесть «Капитанская дочка».

Несмотря на цензурные препоны, Пушкин в обоих этих произведениях показал подлинно народный характер пугачёвского движения, нарисовал правдивый образ самого Пугачёва, как представителя народных масс. «История Пугачёва» разрушила иллюзию о «гармонии интересов» помещиков и крестьян. Пушкин показал здесь противоречие интересов помещичьей монархии и народа, противоречие, которое может быть разрешено только путём революции.

Пугачёв показан Пушкиным как вождь, выдвинутый самой крестьянской массой. Это выдающийся представитель народа, талантливый самородок, который «осаждал крепости и потрясал государством». Пугачёв в глазах Пушкина—олицетворение народной смелости, ума, природной талантливости. Его воззвания Пушкин называет «удивительным образцом народного красноречия», а в его действиях видит «военные познания и дерзость необыкновенную». Пугачёв в изображении Пушкина — не «вор» и не «разбойник», как его изображали дворянские историографы, а народный полководец, умеющий подняться до сознания общегосударственных интересов. Пугачёв импонирует Пушкину своим пониманием народа, своей преданностью делу восстания.

Образ свободолюбивого вождя крестьянских масс Пушкин противопоставляет развращённой, корыстолюбивой, эгоистической верхушке крепостнического государства. В «Капитанской дочке» Пушкин вынужден был ограничиться только официальным портретом «доброй» Екатерины II, однако в не предназначенных для печати записях (относящихся ещё к 20-м годам) поэт обрисовывает истинный облик этой развратной и жестокой императрицы, которая отождествляла свои личные дела с государственными. Эти записи, показывающие действительное отношение Пушкина к Ека-

терине II, заставляя вспомнить о сходной оценке этой императрицы Радишевым.

В заметках по русской истории Пушкин даёт резкую, разоблачающую оценку Екатерины II и её царствования: «...со временем, писал Пушкин,— история... откроет жестокую деятельность её деспотизма, под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками...». Говоря об «отвратительном фиглярстве» Екатерины в её «сношениях с философами», Пушкин указывает на жертвы её «любви к просвещению» — Новикова, томившегося до самой её смерти в темнице, и Радишева, сосланного ею в Сибирь.

Восхищаясь борьбой Пугачёва, Пушкин в то же время с большой исторической прозорливостью подчёркивает непрочность и кратковременность успехов крестьянской революции. Особенно явственно это сказалось в знаменитой сказке об орле и вороне, которую Пугачёв рассказал Гринёву.

Ворон питается мертвечиной и живёт на свете триста лет; орёл пьёт живую кровь, но живёт только тридцать три года. Решил орёл питаться так же, как ворон, и они вместе полетели к палой лошади: «Ворон стал клевать, да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз выпить живой кровью, а там что бог даст!».

* * *

Исторические и политические взгляды Пушкина зависели от той общественной обстановки, которая сложилась в России в первой трети XIX века. Эти годы характеризовались ростом народного недовольства, нашедшего своё выражение в «бунтах» крестьян против помещиков и восстаниях в военных поселениях. Пушкин, конечно, не мог научно обосновать невозможность победы стихийных, изолированных крестьянских восстаний. Объяснение этого дала только марксистско-ленинская теория. «Отдельные крестьянские восстания,— указывал товарищ Сталин,— даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹.

Скептически относясь к возможности коренных политических изменений при помощи стихийных «бунтов», Пушкин вместе с тем во всех своих произведениях, посвящённых проблеме крестьянской революции: в «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачёва»,— правдиво показал те нестерпимые условия существования, которые обусловили как самые восстания, так и жестокость расправы крестьян со своими угнетателями.

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 8—9. Госполитиздат. 1938.

Рассказывая в «Истории Пугачева» о переправе войск Пугачева через Волгу около Казани, Пушкин отмечал: «Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались... Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли». (Имея в виду цензуру, Пушкин, естественно, вынужден был употребить в своей характеристике народного движения некоторые формулировки, которые сделали бы возможным напечатание «Истории», в частности, применить выражение «чернь».)

Эта широкая картина крестьянского восстания, нарисованная Пушкиным, как бы раскрывает радищевский образ народного «потока» и приводит на память гневный призыв Радищева к мести помещикам-кровопийцам, заключающий главу «Вышний Волочок»: «Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалось его мучительство...».

Напомним и кузнеца Архипа в «Дубровском», без колебаний поджигающего дом с ненавистными ему «приказными» — исполнителями неправого судебного решения. «Поднялся ветер. В одну минуту пламя охватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стеклы трещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «горим, помогите, помогите».

— Как не так,— сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар.

— Архипушка,— говорила ему Егоровна,— спаси их, окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так,— отвечал кузнец».

Правдивые и суровые в своей реалистической выразительности картины пугачёвского движения, изображённые Пушкиным в «Капитанской дочке», во многом сходны с картинами народного гнева в радищевском «Путешествии...»: «смерть и пожигание», «пагуба зверства», о которых Радищев предупреждал дворян-крепостников в своём «Путешествии...», показаны Пушкиным в ярких картинах крестьянского «бунта».

Однако история и современная Пушкину действительность не давали ему материала для показа, кроме разрушительной, также и созидательной стороны революции, поскольку этой стороной не могли обладать восстания крепостных. Пушкин не смог до конца преодолеть своей боязни перед «бунтом бессмысленным и беспощадным», предпочитая «насильственным потрясениям» путь «просвещения» и «улучшения нравов». В этом сказалась известная ограниченность его суждений, определявшаяся историческими и социальными причинами. Но самое тяготение Пушкина к постановке вопроса о крестьянской революции, его глубокое сочувствие восставшим массам уже намечали путь к преодолению этих сословных предрассудков.

Существенно отметить, что пушкинскую характеристику крестьянского «русского бунта» впоследствии привёл Ленин при определении стихийности и неорганизованности движения крестьянских масс, их политической отсталости, в отличие от сознательной революционной борьбы пролетариата. «Наличность революционных элементов в крестьянстве,— писал Ленин,— не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой...»¹.

* * *

Свидетельством обострённого интереса Пушкина к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву» является в эти годы пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург» (печатавшееся ранее под произвольным редакторским заглавием «Мысли на дороге»). Эта публицистическая книга, над которой Пушкин работал с декабря 1833 по апрель 1834 года, осталась незаконченной. Убедившись в невозможности опубликования книги, посвящённой «Путешествию...» Радищева, Пушкин прекратил работу над нею (хотя главу «Москва» он приписал уже в январе 1835 года). Знаменательно, что даты работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург» совпадают с началом его работы над «Капитанской дочкой», а начальная дата непосредственно следует за окончанием «Истории Пугачёва».

Пушкинское «Путешествие...» является своеобразным ответом на «Путешествие...» Радищева и вместе с тем изложением этого обвинительного акта против крепостного права. У Пушкина рассказчик едет в обратном направлении — из Москвы в Петербург, читая книгу Радищева от конца к началу и как бы проверяя его впечатления своими. Своим «Путешествием...» Пушкин хотел показать, что в его время положение крестьянских масс оставалось таким же невыносимым, как и в эпоху Радищева.

Так Пушкин всецело присоединяется к словам Радищева (в главе «Черная грязь»), который «горько порицает самовластие господ», обрекающих крепостных на подневольные браки. Из главы «Пешки» Пушкин целиком приводит «замечательное описание» Радищевым русской избы, рисуящее нищету и тяжесть крестьянского быта, отмечая, что «ничто, кажется, не изменилось» в русской деревне и в 1833 году. Полностью солидаризируется Пушкин и с негодующим описанием Радищевым продажи крестьян в рекруты в главе «Городня». Приведя несколько страниц радищевского текста, Пушкин заключает, что указанная повинность — самая «тягчайшая из повинностей народных».

Пушкин приводит и начало одной из самых сильных антикрепостнических глав радищевского «Путешествия...» — главы «Мед-

¹В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223. Изд. 4-е.

ное», обличающей гнусную и бесчеловечную практику продажи крепостных, и в заключение замечает: «Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...»

Естественно, что Пушкин вынужден был прервать свою выписку из Радищева, не имея возможности — из цензурных соображений — привести всю главу и тем более «ужасную картину» помещицкой жестокости. Но не случайно, что Пушкин солидаризируется как раз с той главой радищевского «Путешествия...», которая заканчивается утверждением Радищева, что «свободы... ожидать должно от самой тяжести порабощения», тяжести, которая неминуемо должна привести к свержению народом власти помещиков.

Своё «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин заканчивал «Вышним Волочком», то есть главой, соответствующей той, в которой Радищев делал свои решительные выводы относительно крепостнических порядков. Отмечая, что Радищев здесь «мрачными красками рисует состояние русского земледельца», Пушкин приводит рассказ Радищева о тиране-помещике, заставившем «всех крестьян, жен и их детей... во все дни года работать на себя». Пушкин, естественно, не имел возможности привести в печати заключение этой главы, в которой Радищев обращался с гневным призывом к возмездию этому «кровопийце», к лишению его «богатства», «нажитого грабежом», и к революционному насилию над «общественным злодеем». Но Пушкин считает необходимым сообщить здесь известную ему историю о таком же тиране-помещике: помещик этот привёл своих крепостных в «совершенное разорение», лишив их всякой собственности, — словом, — заключает Пушкин, — статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика». И Пушкин с полным одобрением сообщает, что этот помещик-тиран «был убит своими крестьянами во время пожара». Таким образом, Пушкин полностью присоединяется к Радищеву в его страстном обличении социального строя царской России. Включая в свою статью целые страницы его «Путешествия...», поэт тем самым подчёркивал их актуальность и для своего времени.

Пушкин в 30-е годы отчётливо видел крах иллюзий, связанных с буржуазной демократией на Западе. «Благонамеренный» либерализм отнюдь не вызывал его симпатий. Он разочарованно и иронически-равнодушно следит за июльской революцией 1830 года во Франции, когда буржуазия, боясь народного движения и скольконибудь значительных социальных и политических перемен, спешит в страхе перед парижскими пролетариями выдвинуть «своего» короля. В январе 1831 года Пушкин пишет в письме к Е. М. Хитрово: «Французы почти совсем перестали меня интересоваться... Их король с зонтиком подмышкой слишком уж мешанин».

Новая сила, пришедшая к власти в Западной Европе, — буржуазия, сменившая феодальное дворянство, — глубоко враждебна Пушкину. Он уже различает под маской её лицемерной демагогии но-

вые, не менее жестокие и циничные, чем при феодализме, методы угнетения народа.

В главе «Русская изба» своего «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин протестует не только против крепостничества, являвшегося главным злом русской жизни: он видит уже и то зло, которое несёт народу капитализм. Поэт разоблачает лицемерную «свободу», якобы существующую в странах буржуазной Европы: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность!.. И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона».

Позднее, в 1836 году, Пушкин в своей статье «Джон Теннер» разоблачает лицемерие американской «демократии», её отвратительный цинизм и жестокие предрассудки, её «нестерпимое тиранство», «неумолимый эгоизм», «рабство негров посреди образованности и свободы». Это враждебное отношение Пушкина к показавшей свою эксплуататорскую сущность западноевропейской и американской буржуазной «демократии» полностью соответствует позициям Радищева. Радищев ещё в XVIII веке с глубокой пронизательностью обличал хищнический общественный строй буржуазной Америки, вскрывал корни её агрессивной политики, основанной на порабощении народов: «Заклав индийцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения приобретением невольников куплею».

Радищев с гневом говорит об этих лицемерных «проповедниках миролюбия», строящих своё благополучие на безжалостной эксплуатации невольников: «Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, — с горькой иронией восклицает Радищев, — что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными? Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова?». Радищев уже тогда разглядел отвратительное лицемерие американской буржуазной «демократии», обеспечивающей господство привилегированной верхушки «ста гордых граждан» Америки, которые утопают в роскоши за счёт огромной массы людей, работающих на них и не имеющих ни пропитания, ни крова!

* * *

Мысль о Радищеве сопровождает Пушкина на всём протяжении 30-х годов. Борьба Радищева с деспотизмом и крепостничеством,

суровая правда радищевского «Путешествия...», его идейная устремлённость в будущее помогали Пушкину в оценке явлений современной ему действительности.

Приступив к изданию «Современника» в 1836 году, Пушкин пытается напомнить читателям о писателе-революционере, написав с этой целью большую статью «Александр Радищев». Памятуя о цензурно-полицейских рогатках, помешавших опубликованию его предшествующей статьи о Радищеве, Пушкин в ещё большей мере был вынужден облечь свою новую статью в полемическую форму.

Называя «Путешествие из Петербурга в Москву» «сатирическим воззванием к возмущению», Пушкин вынужден был заявлять, что Радищев «заблуждался», но в то же время он указывал, что автор «Путешествия...» был человек с «духом необыкновенным» и «действовал с удивительным самоотвержением и с какою-то рыцарской совестью».

Характеризуя здесь же Радищева как самоотверженного «фанатика», Пушкин тем самым оправдывал его. «Я уже не фанатик, но всё ещё набожен», — писал Пушкин Вяземскому в 1825 году, подразумевая под своей «набожностью» ненависть к тогдашнему политическому порядку. Он замечает, что в своём «Рассуждении о человеке» Радищев хотя и выступает против материализма, но «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма (то есть безбожия.— *Н. С.*)». По этому принципу и Пушкин написал свои статьи о Радищеве, в сущности, не столько опровергая, сколько излагая взгляды Радищева. Лучшим свидетельством подлинного антиправительственного значения пушкинской статьи является её запрещение цензурой, сразу разглядевшей её истинную цель — пропаганду идей запретного автора.

Осуждающие Радищева фразы, конечно, не выражали подлинного мнения о нём Пушкина. Называя Радищева «представителем полупросвещения», обвиняя его в «слепом пристрастии к новизне», Пушкин хотел этим обеспечить себе возможность хотя бы напомнить о нём читателям.

Статьи Пушкина о Радищеве, несмотря на их полемическую форму, были запрещены цензурой и стали известны читателям лишь через много лет после смерти поэта. Революционная критика ещё в 50—60-х годах поставила вопрос о том, являлись ли эти статьи выражением подлинной точки зрения Пушкина или же он вынужден был смягчить и зашифровать своё отношение к Радищеву из-за политических и цензурных причин. Зная теперь историю написания этих статей, мы с уверенностью можем сказать, что Пушкин вынужден был зашифровать своё подлинное отношение к Радищеву.

Этот зашифрованный характер пушкинских статей понял уже Добролюбов, который, ознакомившись с впервые опубликованной в 1858 году статьёй Пушкина «Александр Радищев», указал на противоречивость данных в ней оценок. Так, Добролюбов отметил, что Пушкин, говоря о «полупросвещённости» Радищева, противо-

речил своему же признанию в нём «искренних и честных убеждений». «Еще яснее выражается, без ведома автора,— продолжает Добролюбов,— уважение его к Радищеву в самом оправдании, решительно противоречащем строгому приговору, произнесенному относительно всей деятельности этого человека вообще». Добролюбов указал также, что Пушкин в своей статье «хочет непременно подвести себя под известные, заранее принятые определения», в то время как «в частных суждениях, в фактах, представленных в отдельности, постоянно виден живой, умный взгляд Пушкина».

Однако сложность этой статьи ещё и в том, что Пушкин полемизировал здесь с Радищевым не только по цензурным причинам, но и потому, что он не разделял некоторых его взглядов и суждений, его призыва к крестьянской революции. Этим объясняется трудность понимания статьи, подлинный смысл которой возможно уяснить лишь исходя из анализа всей идейной позиции Пушкина в эти годы.

* * *

В своих раздумьях о судьбах страны Пушкин в последекабрьский период внимательно изучает государственную деятельность Петра I. При этом весьма существенно отметить, что образ Петра I, понимание его роли в истории России, самая его характеристика, данная Пушкиным в «Медном всаднике», «Полтаве», «Пире Петра Первого», непосредственно связаны с трактовкой этого образа Радищевым. В «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» Радищев, описывая открытие памятника Петру I в 1782 году, отметил как раз те черты его деятельности, которые потом с такой выразительностью показал в своих произведениях Пушкин. Пётр I, как основатель Петербурга, давший этим возможность России стать мировой державой, тот «властелин судьбы», каким он показан в поэме «Медный всадник», уже угадывается в описании фальконе-товской статуи у Радищева: «И се явился паки взорам нашим сидящ на коне борзом в древней отцов своих одежде муж, основание града сего положивший и первый, который на Невских и Финских водах воздвиг Российский флаг доселе не существовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему сушу, прияла скипетр обширных России, пределы коея он расширил столь славно».

Радищев, отмечая положительную роль Петра в развитии русской государственности, в мощном преобразовании страны, вместе с тем подчёркивает и другую сторону его деятельности — утверждение им деспотизма. Пётр I, говорит Радищев, «отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися»; он — «победитель Карла XII», но он же и тиран, «столь властный Самодержавец, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». Полагая, что Пётр «мог бы... славней быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную», Радищев указывает при этом, что не было ещё примера,

«чтобы царь упустил добровольно что либо из своей власти, сядь на престоле».

Это глубокое понимание двойственного характера деятельности Петра обнаруживает и Пушкин, изображая его в «Медном всаднике» «кумиром на бронзовом коне», великим государственным преобразователем, разрушившим в то же время «вольность частную» и поправшим в своём деспотическом самовластье права множества малых людей — таких, как скромный чиновник Евгений. Это глубокое понимание Пушкиным исторической роли Петра I во многом соответствует оценке его деятельности, данной Радищевым, что ещё раз свидетельствует о близости идейных позиций обоих писателей.

* * *

Как уже указывалось, в 30-е годы Пушкин продолжал свою борьбу с крепостнической монархией, но иными средствами, чем раньше. В это время он старался опереться на более широкие круги населения. Поэтому Пушкин в 30-е годы ощущает острую необходимость в издании газеты или журнала.

В эти годы поэт уже не призывает к немедленному восстанию, как это он делал до событий 14 декабря. Крестьянские массы, как указывал Ленин, тогда были ещё не способны на что-либо, «...кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещённых никаким политическим сознанием...»¹.

Стоя на позициях «просвещённого дворянства», Пушкин и теперь отстаивает необходимость освобождения крестьян в России и предоставления народу политических прав. Просвещение для него, однако, является не абстрактным культом разума, как для большинства просветителей XVIII века, и не просто «улучшением» существующего строя, как для дворянских либералов, а политическим просвещением народа. Пушкин не смог подняться до призыва к крестьянской революции, выдвинутой Радищевым, воспринимая её лишь как разрушительную стихию, лишённую созидательных начал. Однако идея просвещения масс, сознание исторической обречённости крепостнического общества, решительное неприятие и осуждение поэтом крепостного рабства и дворянско-бюрократической реакции свидетельствуют о его свободолюбии и неизменности его борьбы за счастье своего народа.

Следует подчеркнуть, что мысль о таком просвещении народа и просветительной роли литературы была высказана ещё Радищевым. В своём «Путешествии...» (глава «Подберезье») он писал о том, что «...всяма полезный бы был труд писателя», показавшего «шествоие разума человеческого», так как, «...обнажая шествоие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит подет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хота сердце посеял добродетель».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 143. Изд. 3-е

Путь «просвещения» был для Пушкина той тактикой борьбы, которую он считал единственно возможной и целесообразной в новых исторических условиях. «Просвещение» масс означало их приобщение к передовым идеям, воспитание в них духа протеста.

«История Пугачёва», «Капитанская дочка», «Дубровский» — всё это произведения, которые были рассчитаны на большой общественный резонанс. Недаром «История Пугачёва» вызвала ожесточённые нападки со стороны реакционного дворянского историка Броневского, который относил Пугачёва к «извергам, вне законов природы рожденным», и утверждал, что «история сего злодея может... вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах». Пушкин, отвечая Броневскому, иронически писал, что «политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы...»

Понимая подлинно народный характер крестьянского движения Пугачёва, Пушкин, подобно Радищеву, горячо сочувствовал закреплённому крестьянству, оправдывая крестьянскую революцию, как выход из нестерпимого угнетения.

Дворянская революция декабристов была разгромлена на Сенатской площади, а революционность представителей нового класса — революционных демократов, разночинцев — во времена Пушкина ещё не сложилась. Этим объясняется сложность и порою противоречивость позиций Пушкина по отношению к крестьянским восстаниям.

Пушкин, разумеется, не мог до конца разрешить вставшую перед ним проблему революции в России. Он признавал правомерность борьбы крестьян против помещиков, но он видел её стихийность, неорганизованность, отсутствие какой-либо определённой программы действия и потому говорил о «бессмысленном бунте». Исходя из того, что народные движения не давали желаемых результатов, Пушкин заявлял о нецелесообразности в его время «насилованных потрясений политических», считая первоочередной задачей «просвещение» народа. На отдельных высказываниях поэта отразилась ограниченность той социальной среды, из которой он происходил.

При всём том в пределах возможностей своей эпохи Пушкин дал правильную, исторически глубокую оценку и правдивое изображение крестьянской революции — и здесь, на этом пути, он встречался с Радищевым, как своим предшественником.

Радищев для Пушкина был не только провозвестником грядущего освобождения родной страны от ига самодержавия и крепостничества, он являлся и предшественником Пушкина в деле создания реалистического искусства.

Правдивые и выразительные картины русской жизни, нарисованные Радищевым в его «Путешествии...», знаменовали уже зарождение того реалистического метода, который получил своё дальнейшее развитие в русской литературе XIX века. Идиллические произведения дворянских писателей сентиментальной школы Ради-

щев противопоставил неприкрашенное, правдивое изображение действительной жизни народа.

Радищев показал пример сочетания публицистичности с широким художественным обобщением. Радищевское новаторство предшествовало той политической насыщенности, которой отмечена и публицистика Пушкина, прежде всего его «Путешествие из Москвы в Петербург», а также и такое произведение, как «История села Горюхина».

Пушкин учёл художественный опыт Радищева, но он пошёл неизмеримо дальше его, открыл новую страницу в истории русской литературы. Произведения Радищева написаны старинным, во многом ещё необработанным языком; он не всегда мог облечь свои идеи в реалистические образы. Пушкин явился создателем русского литературного языка, родоначальником новой русской литературы, он создал произведения огромной художественной силы, достиг полнейшей естественности, жизненности своих художественных образов при огромном богатстве идейного содержания.

Следуя Радищеву, Пушкин поставил своей целью служение народу. Как и Радищев, он был поэтом-гражданином, борцом за свободу, провозвестником идей, наиболее передовых для своей эпохи. Пример Радищева, смелое и беспощадное разоблачение им деспотизма всегда воодушевляли Пушкина. Поэтому Пушкинцу был близок и дорог Радищев и в период революционного подъёма перед восстанием декабристов и в период политических раздумий и исканий 30-х годов.

В 1836 году, почти одновременно со статьёй «Александр Радищев», Пушкин пишет своё знаменитое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в котором как бы подводит итоги всей своей предшествующей деятельности.

В первоначальном, бесцензурном варианте этого стихотворения Пушкин писал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу,
И милосердие воспел.

Пушкин гордится именно тем, что он «вслед Радищеву» восславил свободу и воспел высокие гуманистические идеалы. Именно это, по мнению Пушкина, и даёт ему право на любовь народа, являющуюся для него высшей оценкой его писательского подвига.

Радищев навсегда остался для Пушкина врагом рабства и певцом свободы, чей голос звучал для него на всём протяжении его жизненного и творческого пути.

Цена 60 коп.